

СЕРГЕЙ МЕЛЬНИКОВ

ХОЗЯИН
ОСТРОВА
ЭЙЛИН-МОР

Москва
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М48

Редактор серии *А. Осминина*

Оформление серии *Я. Клыга*

Мельников, Сергей Валерьевич.

М48 Хозяин острова Эйлин-мор / Сергей Мельников. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-204873-9

1900 год, крошечный островок у берегов Шотландии.

Загадочным образом исчезает смена смотрителей маяка, среди них и Дональд МакАртур. Что с ним произошло?

Я расскажу вам историю бывшего капитана торгового флота так откровенно и подробно, как рассказал её он сам. Вы спросите: «Он что, не умер?» — а я отвечу: «Поверьте, смерть — не самое страшное».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-204873-9

© Мельников С.В., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Глава 1

КОНСТЕБЛЬ

Рождество, 1900 год.

Плотный туман накрыл Сторновейскую бухту. На пустом пирсе стоял молодой констебль. Он был единственным человеком в городе, кто в этот час не спал в теплой постели за крепкими засовами. Море плескалось под дощатым настилом, билось о ржавые подпорки и с всхлипом обмывало гроздь моллюсков. Тусклыми пушистыми шариками светили сквозь туман огни линкора «Энсон», стоявшего на рейде в паре кабельтовых.

Со стороны военного судна донесся слабый всплеск. Констебль прислушался, но звук не повторился. До рези в глазах парень всматривался в густые бледные клубы. Временами, казалось, в них сгущалась тьма и возникало темное пятно с ровными, чуждыми природе обводами, потом оно расплывалось, тонуло в дымке. Три раза пробили склянки на линкоре: до конца смены оставалось пять часов. Констебль вздохнул и повернулся уходить, но снова раздался всплеск, теперь намного ближе. Как будто большой тюлень скользнул под воду.

Констебль достал дубинку. Он не был суеверным, но тюлени в порт не заплывали: здесь было слишком

много неприятных запахов, а контрабандистам в их маленьком городке делать было нечего. Холодная сырость вползла под форменную куртку, и полицейский закутался потуже. Звук больше не повторялся, но туман в самом деле сгустился, из него появился нос лодки. Маленькая рыбацкая шлюпка, словно кораблик, запущенный мальчишкой в луже, без паруса и гребцов, выплыла из призрачной пелены и ткнулась носом в настил прямо у ног констебля. В ней никого не было. Вдоль бортов лежали два разномастных весла.

Полицейский опустил на корточках и осветил фонарем дно. Между банок валялась чья-то куртка. Он примотал конец к кнехту и прыгнул в лодку. Куртка была добротной, дорогой, но не раз подлатанной. Юный констебль зачитывался похождениями знаменитых сыщиков и мечтал стать когда-нибудь инспектором Скотленд-Ярда. Он обшарил карманы и в нагрудном обнаружил отсыревший листок бумаги. Судя по типографским линиям, он был вырван из судебного журнала, сложен, а с наружной стороны химическим карандашом неизвестный начертал имя адресата — комиссара полиции Внешних Гебрид. Ниже стояла подпись: лт. Первого Королевского Сассекского полка Дж. Дукат.

Движимый любопытством, констебль развернул листок, плотно исписанный размашистым твердым почерком. К нижнему краю страницы буквы мельчали и жалась друг к другу почти без просветов. Сев на банку, полицейский поднес письмо к свету и начал читать. Брови его сначала удивленно поползли вверх, а к концу губы скривила саркастическая ухмылка. Автор этого послания, несомненно, обладал завидным воображением.

Констебль подумал, что не стоит выставлять себя на посмешище и беспокоить комиссара этой дурац-

кой шуткой. На миг он заколебался: не выбросить ли письмо в море? Вновь раздался тихий всплеск, будто крупный зверь высунул голову из воды где-то совсем рядом. Туман сгустился, огни «Энсона» почти полностью растворились в дымовой завесе. Взгляд констебля упал на весло. Краска на нем уже облупилась, а то, что он поначалу принял за обломанный край, скорее было краем рваного укуса мелкими и частыми зубами.

Шлюпку качнула набежавшая волна, скрипнул и протяжно застонал причальный канат. Холодный туман накатиł со всех сторон, скрыл и море, и спящий портовый город. Все, что осталось у констебля, — утлая лодчонка и край деревянного пирса, остальное утонуло в белесом мареве. Леденящий озноб пробрал до самых костей.

Вновь глухо, как в вату, пробили склянки, и полицейский поспешно сунул письмо за пазуху. Дрожа и от холода, и от нерационального страха, скользя по влажным доскам, он выбрался на твердый настил и засеменял к суше. Под ногами разволновавшееся море билось об ржавые столбы, и констеблю казалось, что чьи-то бледные, тонкие пальцы с острыми когтями тянутся к подошвам через щели в досках.

До конца дежурства он мерил шагами прибрежную улицу, ускоренно переходил от одного фонаря к другому и старался держаться как можно ближе к стенам домов. Он убеждал себя, что письмо — глупый розыгрыш, а то, что в нем описано, не более чем страшная сказка, но волны бились о камни всего в нескольких ярдах, и этот шум больше не казался ему мирным и безжизненным.

Утром, только появился сменщик, констебль направился к дому комиссара. Тот скептически выслушал его, небрежно покрутил в руках сложенный листок, но

увидел подпись и изменился в лице. Констебль, неверно истолковавший эту гримасу, робко произнес:

— Если позволите, сэр, мне кажется, что это послание составлено неким бумагомаракой, который хочет привлечь внимание к своей писанине.

Комиссар неопределенно хмыкнул и отошел к окну. В слабом свете туманного утра он внимательно прочитал письмо от начала и до конца.

— Нет, констебль, ваши выводы в корне неверны. Я знаю лейтенанта Дуката, он служил под моим началом. Должно случиться второе пришествие, чтобы Джим выдал из себя пару строк, а тут целый трактат. Вот что, друг мой, отправляйтесь на остров Эйлин-Мор и разузнайте, что там произошло. Если обнаружите там Дуката с признаками белой горячки, арестуйте его и доставьте ко мне.

— Но, сэр...

— Ступайте, детектив-констебль, — это звание вы получите, как вернетесь с отчетом.

Дрожащий от холода и недосыпа, зевающий, но счастливый констебль немедля бросился в порт. Рыбацкая шхуна доставила его в Несс, деревушку на северной части острова Льюис, а оттуда с рыбаками из Мангерсты он добрался до островов Фланнан. На Эйлин-Море его высадили на берег и ушли на лов — в миле от суши моряки обнаружили большой косяк макрели.

Констебль поднялся к маяку. Дверь была распахнута, пол заливала вода. Кругом валялись опрокинутые баллоны с карбидом. Он поднялся по двадцатиметровой винтовой лестнице наверх. Люк в фонарь был выбит, пол усеян обломками досок и разбитыми линзами Френеля. Ни в спальне, ни даже в сарае у маяка ни одной живой души не нашлось. Мертвых, впро-

чем, тоже не было. Ни тел, ни крови. Констебль обошел весь остров, но ничего, что могло бы пролить свет на произошедшие тут события, не обнаружил. Пока он в задумчивости бродил по скалам, заросшим сочной темно-зеленой травой, шхуна подошла к берегу и капитан крикнул:

— Констебль, если не желаете остаться тут на ночь, прошу на борт. Мы уходим.

Ночевать на маяке не входило в планы полицейского. Ему повезло: капитан забил полный трюм рыбой и сразу направился в Сторновой сбить улов. Весь обратный путь констебль изучал рабочий журнал смотрителей, найденный в кухне. Почерк был другим: твердым, гораздо аккуратнее, чем каракули Дуката на таинственном письме. По лаконичным записям, обрывавшимся неделю назад, констеблю так и не удалось восстановить картину происшествия.

— Получается, маяк не горит уже неделю? — спросил он капитана шхуны.

— Не знаю. — Тот пожал плечами. — Тут миль двадцать от Мангерсты. Так далеко его свет не виден.

— И за это время ни одно судно не прошло мимо маяка?

— Тут шторма неделю бушевали — только затихнет ненадолго, и снова болтанка. Кому в голову придет в такую погоду рыбачить? А исландцы с норвежцами забираются дальше к северу, вот и не знал никто. А что случилось-то? Все хоть живы?

— Идет расследование, — ушел от ответа констебль. Ему понравилось, как солидно и весомо прозвучала эта фраза, но на рыбака она впечатления не произвела.

— А, ну ладно. Земляк там просто в эту смену смотрителем устроился, Дон МакАртур, — без особого интереса сказал он.

— А что ж поздороваться на маяк не зашли? — Констебль с подозрением уставился на капитана.

— А чего мне с ним здороваться? Я и в Мангерсте с ним дружбу не водил. Живет — и пусть живет. Помер — упокой, Господи, его грешную душу.

— Не слишком вы его любите, как погляжу...

— А за что мне его любить? Ходит вечно, задрав нос. Клипер он водил... Только клипер его на дне лежит, а моя шхуна — вот она, и кто из нас капитан, спрошу я вас?

— Безусловно, вы, — вежливо ответил констебль и удалился на нос. Выслушивать саркастичные замечания мангерстца о пропавшем человеке было неприятно.

В Сторновее он предоставил комиссару подробный отчет с описанием погрома на маяке и приложил к нему журнал.

— Что же делать дальше, сэр? — спросил он.

— Ничего, — ответил комиссар. — Откроем дело, расклеим по острову объявления с портретами пропавших. Если повезет, кто-нибудь что-нибудь расскажет, а вести полноценное расследование средств у меня нет. Вы, констебль, служите. Ходатайство о вашем повышении я уже отправил в Эдинбург. А, если услышите о каких-то загадочных происшествиях, сообщайте мне, но более никому.

Констебль ушел, комиссар налил себе виски и погрузился в изучение журнала.

— Да-а, попал ты в передрагу, старик... — протянул он, перелистывая последнюю заполненную страницу.

Глава 2

МАКАРТУР

Эйлин-Мор, лето 1900 года

Наши моря — гиблое место. Северная Атлантика изобилует рифами, берега круты, подходы к ним утыканы острыми скалами. Арктический северо-восточный Борей дует почти круглый год. Веками он гнал к нашим берегам драккары жестоких и жадных викингов, теперь гонит и измельчает лишь ледяную крошку, безжалостно отбирая остатки тепла. Шторма здесь — дело обычное, а зимой море редко бывает спокойным.

Труднее всего приходилось судам, идущим в Шотландию из Исландии: Борей сносил их к подводным скалам, окружающим острова Фланнан. Пока ко дну шли шотландские моряки, это никого не волновало, но стоило напороться на скалу норвежскому пароходу, и Адмиралтейство нехотя открыло кошелек. Пять лет назад на Эйлин-Море начали строить парафиновый маяк, а в прошлом году в нем установили новейшую ацетиленовую горелку.

Я давно не вожу суда океанскими маршрутами и на лов в те места не выхожу. Жизнь могла бы пройти спокойно и размеренно, в двадцати милях от проклятого

острова с чертовым маяком, но кредиторы не оставили мне выбора. Мой красавец-клипер с пробитым дном уже несколько лет лежал у подножия рифа Хелен, а его владелец начинал проявлять признаки нетерпения.

В конце лета в Сторновее прошел слух о том, что на Эйлин-Мор нанимают зрителей; желающих не нашлось, несмотря на хорошее жалование. Про острова Фланнан на Гебридах ходит немало зловещих легенд. Где-нибудь в эдинбургской гостиной или лондонском клубе они могут показаться глупым суеверием. Здесь, на пустынном острове, где бурые вересковые пустоши сползают в бездонные болота, холодные бельма озер смотрят в серое небо с несущимися тучами, а на древних курганах стоят гигантские глыбы старше пирамиды Хеопса, легенды намного ближе дирижаблей и электрических фонарей.

Я суеверен, как и все моряки, и не желал рисковать ни телом, ни бессмертной душой ради денег, но сын судовладельца — крепкий, широкоплечий, с хорошо поставленным правым хуком, — быстро и болезненно убедил меня в обратном. С тяжелым предчувствием я вернулся домой, повесил на крюк мокрый макинтош. Конверт с подписанным контрактом во внутреннем кармане пиджака охлаждал сердце. В глубине дома трещали дрова в камине, из кухни пахло жареной рыбой. Я, стараясь не шуметь, снял ботинки и подкрался к двери гостиной. Оттуда раздавалось невнятное бормотание и скрип половиц. Осторожно повернув ручку, я резко распахнул дверь.

У камина, посасывая вересковую трубку, сидела Лорна, моя теща, старая, наполовину парализованная пьяница. После смерти мужа она слегла, несколько дней лежала, глядя сухими глазами в потолок, а когда немного отошла, оказалось, что ноги ее более не

слушаются. Тогда я пожалел старуху и привез ей из Глазго инвалидное кресло на колесах. Неблагодарная ехидна быстро освоилась и первым делом нашла, где я прячу виски. С тех пор мы играли с ней в одну и ту же игру: она хлестала мое спиртное, я пытался ее поймать на горячем, но она всегда оказывалась быстрее. Для своего возраста у Лорны был слишком острый слух и ловкие руки.

— Вернулся, зятек? — спросила она, не вынимая трубки изо рта. — Думала, ты в Сторновее ночевать останешься.

— Что мне там делать? — буркнул я, с подозрением рассматривая бугорок под половиком у правого колеса ее коляски.

— Чтобы Дон МакАртур — и не нашел как развлечься в большом городе? — расхохоталась Лорна. — Неужели ты стареешь, мой дорогой зять?

— Большой... — фыркнул я. — Ты лучше скажи, что у тебя там под половиком спрятано!

— Где? — Она удивленно оглянулась.

— Ну хватит! — Я упал в кресло напротив. — Давай, доставай, старая воровка, пока виски не закипел! Ты б его еще в камин засунула!

С обреченным вздохом Лорна подняла с пола бутылку и стакан. Я протянул ей глиняную кружку:

— Наливай, и про себя не забудь!

Она плеснула мне в кружку, бросив недоверчивый взгляд, налила себе полный стакан и сразу опустошила его на треть.

— Какой ты сегодня добрый! — Лорна блаженно зажмурилась. — Никак зубы стучат от нового места службы?

Я тоже глотнул и посидел немного с закрытыми глазами, наслаждаясь теплом.

— Кто наплел уже?

— Ходит слух...

— Этот слух не Аннабель зовут? Держала б толстуха язык за зубами, пока есть за чем. Не говори глупостей. Хорошее место, не работа — мечта. Ничего не делаешь, а денежки на счет капают.

— Да конечно! — не унималась вздорная старуха. — Стучат, потому что страшно самому идти к дьяволу в зубы.

— Глупые суеверия, — отмахнулся я.

— Не скажи! — Лорна понизила голос и склонилась ко мне. Редкие седые пряди упали на лоб, в глазах плясали огоньки пламени, добавляя безумия в наш разговор. — Ты знаешь, что острова Фланнан называют «Семь Охотников»?

— Знаю, конечно, — нехотя сказал я. — Семь островов — семь охотников. Тюленей там били предки — вот и все объяснение.

— Не пытайся выглядеть глупее, чем ты есть, Дон. Все ты прекрасно понимаешь, а возражаешь мне только из упрямства. О морском Хозяине и его семи охотниках знают не только здесь, но и у меня на родине. Ты же помнишь, что я из Белфаста? Люди там пропадали еще во времена набегов викингов. Когда скотты воевали с пиктами, на Эйлин-Мор ушел большой отряд с женами и детьми. Не вернулся никто, а посреди острова нашли курган, сложенный из костей и черепов. Так-то!

— От голода умирали, а хоронить сил не оставалось, вот и стягивали тела в одну большую кучу, — попытался возразить я.

— Не так быстро плоть полностью истлевает, Дон. А вот тебе совсем недавний случай. Помнишь старого Нэрна?

Я опрокинул остатки виски в рот и протянул кружку Лорне за новой порцией.

— Не помню, — соврал я.

— Врешь, зятек. Нэрн так знатно отходил тебя веслом по хребту, когда застал тебя со своей дочуркой под лодкой. Все думали, ты не выживешь. Такое не забывается.

— Сплетни.

— Оставь, Дон, я хорошо тебя помню молодым. Приезжал щеголем, все девки от тебя млели, а ты пользовался. У меня на таких кобелей глаз наметан. Хорошо, тебе моя Грейс попалась, перья повыщипывала. — Лорна расхохоталась беззубым ртом. — Огня хотел, а женился на бревне. Где твои глаза были, Дон?

Я уткнулся взглядом в кружку. Права Лорна, как есть права. Мне и правда отказа не было: молодой, красивый, уже капитан торгового флота, при деньгах, которые в Мангерсте никому и не снились. А Грейс меня отшила. Красивая была и гордая, держала себя, как дочь лорда, а не простого рыбака, тем и зацепила. А потом оказалось, что, кроме красоты, ничего в ней и нет: кукла фарфоровая, пустышка, еще и со сварливым характером. Держался от нее подальше, как мог, пропадал в рейсах, да пришлось вернуться.

— У нас говорят: не можешь кусать — не скаль зубы, а у тебя, зятек, рот не закрывался, — не унималась Лорна.

— Занесло тебя в дебри, — оборвал я ее. — Что там с Нэрном-то?

— Да ничего, нету больше Нэрна. Пропал за пару лет до того, как ты приехал с поджатым хвостом. Какой-то сказочник наплел старому дураку, что у Эйлин-Мора видел огромный косяк макрели. Нэрн повел туда свою шхуну. День нет, два нет. Потом рыбаки наши с Лога-